Российская
Социал-Демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Фридрих Адлер

ОБ ОТЧЕТЕ АНГЛИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Перевод с немецкого
под редакцией и с предисловием Ф. ДАНА

Цена — 50 пфен. (в Германии)

Берлин 1925
Издание „Социалистического Вестника"
Berlin SW 68, Zimmerstrasse 7-8. Tel.: Zentrum 8-09

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
372
28

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне незачем рекомендовать русскому читателю брошюру тов. Адлера. И имя ее автора, и ее содержание достаточно громко говорят сами за себя.

Фридрих Адлер хорошо известен русским рабочим. Сын знаменитого отца — Виктора Адлера, строителя австрийской социал-демократии, он в числе немногих не поддался военному угару, который охватил пролетарские массы Европы в августе 1914 г. На всем протяжении ее он оставался ее непримиримым противником, решительным интернационалистом. Когда же настроение рабочих масс начало меняться; когда они с ужасом увидели, в какую западню заманили их господствующие классы обманчивыми лозунгами «патриотизма», — Фридрих Адлер своим выстрелом в австрийского министра-президента Штюргка дал громкое, на весь мир прозвучавшее выражение той жажде мира и свободы, которая уже охватывала миллионы трудящихся, но которой террор военного положения и исключительных законов закрывал все легальные пути выявления.

Многим русским пролетариям памятны еще, конечно, те бурные митинги и демонстрации, которыми в мае 1917 года рабочие Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода и ряда других городов протестовали против смертного приговора, вынесенного австрийским военным судом отважному революционеру. Но габсбургская монархия к этому времени уже пошатнулась. Русская революция стояла перед нею страшною угрозою и предостережением. Австрийское правительство не решилось бро-

сить казнью Адлера вызов миллионам рабочих. Адлер остался жить, а революция 1918 года вырвала его из тюрьмы, сделала его одним из любимейших вождей австрийского пролетариата. Но Адлер в тоже время — одна из популярнейших фигур всего рабочего Интернационала, которому он в качестве секретаря сначала «Венского Об'единения», затем об'единенной в Гамбурге международной организации оказывал и оказывает неоценимые услуги.

Популяризации имени Фридриха Адлера среди русских рабочих не мало способствовали и свое время и сами большевики. Его именем они крестили не только улицы и клубы, но казармы и полки. Пока он сидел в тюрьме, они уверены были, что он будет с ними; что им удастся и его, как столь многих, оглушить громкими революционными фразами и лозунгами, одурманить неумеренной лестью и почестями. Тем более велика была их злоба на Адлера, когда они убедились, что ошиблись. На 7-ом с'езде Советов в 1919 году они не остановились перед смешной церемонией отлучения Адлера от единоспасающей большевистской церкви; они не только об'явили его лишенным всех «красных» чинов и орденов, но и «отняли» у него все те улицы и дворцы, клубы и школы, казармы и полки, которыми успели без его ведома «наградить» его. Разумеется, Адлер ответил лишь веселым смехом на эту операцию «разжалованья», которой большевистские мандарины придавали столь большое значение: ведь всякому серьезному борцу за р а б о ч е е дело совершенно чужда заимствованная нашими большевиками из м о н а р х и ч е с к и х традиций склонность украшать себя всякими «почетными» званиями и знаками отличия и преждевременно «увековечивать» свою особу в названиях улиц, площадей, музеев, дворцов и даже целых городов!

Большевики ошиблись в Адлере потому, что наткнулись в его лице на такого серьезного борца за дело

рабочего класса; наткнулись не только на пламенного революционера, но на убежденного марксиста, который всякую общественную форму и всякий политический строй оценивает не по их фразеологии, не по их лозунгам и словесным излияниям, а по их реальному классовому содержанию.

Выйдя из тюрьмы и уйдя с головою в работу организации рабочего класса для закрепления плодов произведенной революции и борьбы за социализм, Адлер на деле увидел и оценил работу большевиков, на практике столкнулся с их верными учениками — австрийскими, венгерскими, баварскими, чешскими коммунистами. Для организатора классового рабочего движения, для убежденного марксиста этого было достаточно, чтобы увидеть, как бесконечно далека от социализма та «милитаризованная» казарма, которую строили большевики в России: как мало общего диктатура их партии имеет с диктатурой рабочего класса; как губительна для развития и борьбы пролетариата та система террора и подавления всякой свободы, при помощи которой они поддерживают свою власть; и как в разрез со всеми интересами пролетариата идет то новое ученье «коммунизма», которым Ленин заменил завещанный рабочему классу Марксом и Энгельсом социализм.

Противник большевиков, Адлер, разумеется, не имеет ничего общего с теми, кто ненавидит большевиков, как контр-революционер, враг пролетариата и защитник буржуазии. Наоборот. Он борется с большевиками именно потому, что он — революционер, вождь рабочего класса и непримиримый враг капитализма. Не за то он обличает большевиков, что они слишком далеко вперед двинули развитие революции, а за то, что своею нелепою экономическою политикою, своим террором они подрывают силы революционных классов, заводят революцию в тупик и подготовляют торжество контр-революции. Не за то борется он против большевиков, что они установили

«диктатуру пролетариата», а за то, что, как самые презренные демагоги, они фразой о «диктатуре пролетариата» освящают на деле свою собственную диктатуру, порабощают тот самый класс, именем которого якобы господствуют, и пролетарским флагом прикрывают все те гнусности, жестокости и чудовищные преступления, при помощи которых стараются сохранить неограниченную власть в руках своей партийной клики. И, наконец, не потому Адлер — враг «коммунизма», что коммунистические победы и успехи грозят мировой буржуазии, а потому, что своей демагогической, насильнической, раскольничьей, нечестной политикой коммунисты во всех странах, как гангрена, раз'едают классовое пролетарское движение, ослабляют его и дезорганизуют междуусобицей на радость и укрепление той самой мировой буржуазии и фашистской реакции, с которыми они на словах борятся не на жизнь, а на смерть.

Как революционер и социалист борется Адлер с большевизмом и коммунизмом. И в этом он вполне сошелся и с незабвенным покойным вождем нашим, Юлием Осиповичем Мартовым, и с хранящей заветы Мартова российской социалдемократической партиею. С точки зрения революционера и социалиста написана и та критика отчета делегации британских профсоюзов, которая появляется в этой брошюре и которая была предназначена Адлером для 100-го номера «Социалистического Вестника», вышедшего 4 апреля 1925 г. — в день второй годовщины смерти Мартова.

Ценным даром не только нашему журналу, но всему борющемуся русскому пролетариату является эта критика, вышедшая из под такого пера и написанная с такой точки зрения. Только революционно-классовая критика наносит действительно убийственные удары большевизму и его наивным или слишком рассчетливым апологетам, потому что лишь она дает возможность не только обличать, но и понять их—

понять источник их вольных и невольных заблуждений и преступлений и причину их временных успехов. Только в личных отношениях понять значит — простить, и, конечно, только в этом личном смысле говорит Адлер о снисхождении к наивно-ограниченным английским трэд-юнионистам, «не ведающим, что творят». В политике понять противника значит — не простить его, а получить возможность отыскать наиболее действительные пути борьбы с ним, наиболее верные средства для его преодоления. И с этой точки зрения наибольшую ценность для русского читателя представляет та глава брошюры, где Адлер говорит о психологии составлявших отчет экспертов, и заключительная глава, говорящая о том, как стал возможен такой чудовищный факт, что этот дипломатический, нечестный отчет мог выйти под флагом британского рабочего движения, не встретив самого решительного протеста.

За то для заграничных рабочих (брошюра выходит на немецком языке, выйдет, вероятно, и на других) будет иметь огромное значение то глубокое понимание русской действительности, которое дает возможность Адлеру с легкостью стирать оффициозные и дипломатические румяна, скрывающие в отчете ее подлинное лицо. Для русского читателя в этом смысле достаточно было бы чтения самого отчета. Когда он узнает из него, что о детях в России «хорошо заботятся» и они имеют «счастливый вид»; что проституции в России нет; что «Г. П. У. не имеет права выносить приговоры», что это просто «нечто, подобное нашей (английской) сыскной полиции», и «главная функция его — поддержание общественного порядка и предупреждение контрабанды»; что рабочие блаженствуют и даже «не употребляют дурных выражений»; что крестьянство принимает оживленное участие в выборах (70%! — заявляют авторы отчета) и «поддерживают советский строй своими голосованиями»; что, если крестьяне и недовольны чем, то только «санитарными» мero-

приятиями большевиков, т. к. де русские крестьяне любят грязь и даже при переселении на новое место захватывают с собою мешечек живых клопов и т. д. и т. д. — когда русский читатель прочтет все это и еще многое другое в добавление к тем перлам, которые собраны в брошюре Адлера, — тогда, конечно, ему без всяких коментарий будет ясно, с каким знанием дела и какою добросовестностью написан этот отчет. Уже об'явлено о предстоящем появлении его чуть не на всех иностранных языках. Можно с большим правом усумниться в том, захотят-ли большевики дать полное и общедоступное издание этого произведения на русском языке!

Но то, чего не сделают большевики, постараемся сделать за них — в меру наших сил — мы. Мы постараемся, чтобы русские рабочие и крестьяне узнали, какими вздорными и нечестными россказнями на их счет соблазняют большевики заграничных пролетариев. Брошюра т. Адлера сослужит в этом случае незавидную службу. Жгучий интерес русских читателей ей обеспечен. Мы приложим все силы, чтобы ей было обеспечено и широкое распространение в России.

Ф. Дан.

Берлин,
3 апреля 1925.

ОБ ОТЧЕТЕ АНГЛИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

В конце февраля появился «оффициальный отчет английской делегации трэд-юнионов, посетившей Россию в ноябре и декабре 1924 года». Внешнее впечатление издания — импонирующее: 275 страниц хорошей печати, на хорошей бумаге, с 19 иллюстрациями во всю страницу — частью в красках, — с большим количеством диаграмм, 2-мя географическими картами, статистическими таблицами, алфавитным указателем, занимающим 15 стр.; материял расположен наглядно, язык ясен и убедителен. Коротко говоря, что касается внешности, — следует в полной мере признать справедливым мнение «Лейбор Мэгезин» — оффициального ежемесячника английского рабочего движения: «профессиональные союзы и рабочее движение могут гордиться этим трудом».

Иначе обстоит дело с содержанием отчета. Здесь мы не можем согласиться с утверждением «Лейбор Мэгезин», что «работа выполнена в духе полной об'ективности». Это наше мнение мы подробно обоснуем в дальнейшем. Но уже здесь автор этих строк должен открыто сказать, что со времени военных эксцессов немецких социал-империалистов ни одна книга так не потрясала его низостью образа мыслей и бесстыдством своих откровений, как этот «отчет». И как в суровые дни войны нужно было выступать, не считаясь с личной дружбой, никого не щадя и ничего не затушевывая, так и теперь надо говорить полным голосом об этом отчете. Ибо сегодня, как и тогда, поставлено на карту самое дорогое, что мы можем потерять: честь рабочего движения.

Прежде всего установим, кто несет ответственность за этот отчет. Избранный на английском конгрессе трэд-юнионов в Гулле генеральный совет постановил в конце сентября 1924 г. избрать особую делегацию, поручив ей исследовать промышленные, социальные и политические условия жизни в России. Одновременно делегация должна была ответить на визит представителей русских профсоюзов, которые во главе с Томским посетили англичан в Гулле, и принять участие во Всероссийском конгрессе профсоюзов. Делегация состояла из 7 членов, из которых один, Персель, был в России с делегацией в 1920 г.; никто из делегированных не понимает по русски. Поэтому делегация взяла с собой трех «сведущих лиц», которые не только превосходно владеют русским языком, но, благодаря многолетнему пребыванию в России до и во время войны, и хорошо знают и дореволюционную Россию. Все эти трое помощников были в России раньше в качестве дипломатических чиновников британского правительства. Гринфелл, бывший ранее начальником морских тюрем в Гонконге, позже служил в морском министерстве в Лондоне, с 1912 по 1917 г.г. был морским атташе британского посольства в Петербурге, вслед за тем занимал один год такую же должность в Финляндии. Мак-Донелл приехал в Россию в 1902 г., в 1907—1916 г. был английским вице-консулом в Баку, вслед за тем служил 3 года в британском военном штабе на Кавказе и в Персии. В 1919 г. он в чине майора состоял в английских оккупационных войсках в Грузии [1]) Он закончил свою дипломатическую карьеру лишь в 1923 г. в министерстве иностранных дел в Лондоне. Джордж Юнг состоял на британской дипломатической службе в различных местах; в 1896—1915 г.г. — в России. Гринфелл стал членом Независимой Рабочей Партии в 1919 г., Юнг вступил в Рабочую Партию в 1915 г. и в

[1]) Стр. 215 «Отчета».

качестве переводчика сопровождал в Россию уже первую английскую делегацию (в 1920 г.). Об отношении к рабочему движению Мак Донелла в отчете, из которого мы берем все эти сведения, ничего не сказано. Гринфелл и Юнг, лишь отдаленно знакомые с рабочим движением скакнули прямо к большевистским идеям, как это часто бывает с людьми такого типа. В их симпатиях к теперешним правителям России нельзя сомневаться — Гринфелл уже давно считался доверенным лицом Лондонского Советского посольства. Юнг — выдающийся стилист, написавший несколько работ о внешней политике, подвизался и на журналистском поприще — он был германским корреспондентом либеральной «Дейли Ньюс» во время германской революции.

7 членов Делегации — известные профессионалисты: Джон Бромлей, Алан Финдлей, Артур Персель, Герберт Смит, Бен Тиллет, Джон Тернер и Фрэд Брамлей — с 1923 г. генеральный секретарь Конгресса трэд-юнионов. Как с удовлетворением констатировал «Дейли Геральд» после выбора делегатов, трое из членов делегации одновременно состоят членами «англо-русского парламентского комитета», что уже достаточно характеризует предвзятость их в пользу советской России. Персель — председатель делегации является и председателем англо-русского комитета. Но, как мы увидим, роль членов Делегации в составлении отчета значительно меньше, чем роль их «сведущих лиц».

Труды Делегации во время поездки и при составлении отчета определенно отделяются от трудов сведущих лиц. Труды последних особенно подчеркиваются и с благодарностью отмечаются Делегацией в Отчете. В печатном отчете только предисловие принадлежит Делегации и ею подписано. Кроме того, «заключения» на стр. 171 и 217 подписаны, наряду с сведущими лицами, также и делегатами. Сам же отчет принадлежит перу трех экспертов и в большей своей части написан Джоржем Юнгом.

Он написал самостоятельно $^2/_5$ всей работы, дальнейши $^2/_5$ написаны им совместно с Мак Донеллом. Сотруд ничество Гринфелла ограничилось лишь небольшо главой (6 стр.) о Красной Армии. Мак Донелло лично написаны лишь 3 главы (36 стр.). За политическ наиболее важные части отчета отвечает прежде всего Юн и наряду с ним Мак Донелл.

Путешествие Делегации.

То, что в предисловии рассказывает сама Делегация есть в сущности безобидное описание путешествия остановок в пути. Лишь изредка несколько наивно про свечивает политическая тенденция. Так из разговора железнодорожными кондукторами (сопровождавшими оф фициальный поезд Делегации), «свободно говор вшими о условиях своей жизни и открыто высказывавшими сво личные возражения против некоторых стеснительных пра вил, касающихся их работы», делается в вод, что «это д известной степени противоречит взгляду, будто в Сов России такого рода высказывания неосторожны и неблаго разумны» (стр. XIII). Так из «восторженной демонстра ции рабочих и служащих проф. союзов», встретившей Де легацию в Тифлисе, делается вывод: «эта демонстраци отражала твердое, единодушное одобрение рабочими со временной правительственной системы в Грузии» (стр XXI).

Такие путешествия, как совершенное Делегацией, дл участников их несомненно очень поучительны. Они дают много впечатлений о чужих странах и народах и способ ствуют расширению кругозора. Другое дело, когда та ким путешествиям пытаются приписать б о л ь ш е е з н а ч е н и е, когда путешественники или их аудитория на родине возомнят, будто из таких путешествий возвращают ся не с отрывочными в п е ч а т л е н и я м и, а с осно в а т е л ь н ы м и п о з н а н и я м и, равносильными ре

зультатам серьезного исследования. Так бывало уже не раз. Стоит лишь вспомнить о поездке 4 шотландских депутатов, членов Раб. Партии, в феврале 1923 г. в Рурскую область (они приехали, посмотрели и вернулись с готовым планом: «единственный выход в интернационализации Рура», — который им был внушен кем либо из заинтересованных лиц), чтобы понять, как легко в этих случаях сесть в лужу. Опасность эта для англичан более велика, чем для путешественников из других стран, благодаря особенностям английской манеры. Они привыкли подходить к каждой проблеме «без всякой предвзятости», т. е. они знакомятся с предметом совершенно неотягощенные «теорией», что прежде всего означает неотягощенность опытом других людей. Несомненно, такое «отсутствие предвзятости» в некоторых случаях имеет свои преимущества, и в своих экскурсиях в совершенно неисследованные и своеобразные области англичане не раз достигали блестящих результатов. Но в более нормальных случаях недостатки такого метода выступают особенно резко. Часто диву даешься, как легковерно и без всякой критики воспринимают такие путешественники все, что случайно видят или слышат, и как легкомысленно и беззаботно формулируют они свои выводы. При чтении таких отчетов всегда невольно вспоминается анекдот об английском лорде, который, высадившись впервые на континент в Остенде и сев завтракать, тотчас занес в путевой дневник свое первое наблюдение: «на континенте у кельнеров рыжие волосы».

Поскольку путешествия служат удовольствию и личному обогащению кругозора — они являются частным делом. Когда же путешественники претендуют на то, чтобы отчет их рассматривался, как заслуживающий внимания итог исследования, они должны мириться с критическим анализом их предпосылок.

И вот тут — главный грех Делегации, как таковой. Она пытается изобразить в виде результатов поезд-

ки то, что ей вовсе не могло быть доступно. Она п
тается создать впечатление, будто Делегация может взя
на себя ответственность за литературное произведен
своих «сведущих лиц». Конечно, в предисловии имеют
и такие места, которые могут быть истолкованы, как п
пытки Делегации себя от них отгородить. но, в обще
желание придать этому произведению в глазах обществе
ного мнения авторитет отчета британской делегац
трэд-юнионов не подлежит сомнению. «Сведущие лица»,
своей стороны, этому помогают, говоря зачастую
скромности о выводах и впечатлениях «Делегации», ког
речь могла бы итти лишь об их собственных впечатлени
и выводах. Издание уже на заглавном листе обозначает
как «оффициальный отчет британской делегации трэ
юнионов», а в предисловии говорится, что «все эти отчет
(т. е. отчеты сведущих лиц. Фр. А.) содержат в себе ед
ногласно принятые выводы, к которым пришли делегат
до того, как покинули Россию (Стр. XXIII). Что имен
подразумевается под этими «выводами»,—о том читате
оставляется в неведении. Имеются-ли в виду 2 «общ
вывода» по 20 строк каждый, подписанные членами Д
легации и сведущими лицами (стр. 171 и 217), или
многочисленные, так называемые «выводы» и «общие в
воды», которыми заканчиваются отдельные главы, ил
наконец, те, часто весьма существенные выводы, котор
вкраплены в середину глав, и которые не повторяются
конце их [1])? Как бы то ни было, речь идет о выводах, пр
нятых еще в России, стало быть, до того, как бы
составлен отчет. Каждому, серьезно изучающему эт
отчет, должно быть поэтому ясно, что это — отчет «св
дущих лиц». И необходимо со всею определенностью в
сказать, что попытка придать этому отчету авторите
ность отчета Делегации британских трэд-юнионов ес

[1]) См., напр., обзац о свободе печати (стр. 120-121), о к
тором «общие выводы» не упоминают ни единым словом.

ничем не оправдываемая претензия, так как у членов Делегации не было никаких данных для того, чтобы написать отчет таких размеров и добросовестно притти к высказанным в нем оценкам. Почет и уважение «научным экспедициям», но, право же, давно пора некоторым товарищам понять разницу между серьезным исследованием и легкомысленным диллетантизмом!

Отчет „сведущих лиц".

Фактическим руководителем экспедиции был не Персель, а Джорж Юнг. Не выбранные члены Профессионального Центра, а привлеченные ими сведущие люди были главными действующими лицами в этой поездке и являются подлинно ответственными за этот отчет. Они, как мы уже подчеркнули, блестяще владеют языком и знают условия страны. Поэтому их работа, хотя ее и нельзя назвать отчетом Делегации трэд-юнионов, заслуживает такого же серьезного рассмотрения, как и работы других лиц, посещавших Россию. Почти всем подобным работам присущ, однако, тот недостаток, что авторы их обыкновенно заранее составляют себе мнение за или против большевизма и пользуются своими писаниями лишь для иллюстрации своей точки зрения. Было бы недопустимой утопией ожидать чего-либо иного по отношению к политической проблеме, так страстно волнующей умы. Для непосредственно переживаемого нами отрезка истории «отсутствия предвзятости» не бывает.

Никто не станет упрекать Джоржа Юнга за то, что он питает сильные симпатии к большевизму. И если он хочет написать книгу в защиту сов. России — это его право. Но, с другой стороны, читатель его книги имеет право и обязан прежде всего спросить, с какого рода источником имеет он дело. Существенное-же содержание книги может быть кратко и отчетливо характери-

зовано лишь так: это интервью с представителями советской власти. Собственные, непосредственные наблюдения авторов книги играют совершенно подчиненную роль; большая часть книги носит кабинетный характер, состоит из матерьялов, которые были доставлены советскими властями в письменной или устной форме, частью же из матерьяла, заимствованного из справочников и другой общедоступной литературы. Сводка этого матерьяла конечно полезна, и особенно — для Англии, где все это мало известно,[1]) но при пользовании ею нужно помнить, что это официозный материал Советского Правительства, и что он преподносится с всеми теми уловками, которые имеются в распоряжении всякой официозно-прикрашивающей литературы. К такого рода уловкам относится и то, что и «теневые стороны» не замалчиваются; это дает возможность оправдаться против упрека в сокрытии общеизвестных фактов. Кто внимательно изучит отчет, должен будет признать, что составители его щедаром провели столько лет в школе британской дипломатической службы!

«Об'ективность» требует, разумеется, чтобы «Делегация имела полную возможность соприкосновения с оппозиционным общественным мнением», и нас уверяют, что «она постоянно оставалась с ним в контакте» (стр. 2). Читатель книги найдет в ней мало следов этого контакта, если не считать таковым отвратительной комедии с меньшевистским ренегатом, приставленным к Делегации в Тифлисе. Беседа с этим «бывшим меньшевистским вождем» –

[1]) Только что, впрочем, появилась на английском языке книга, которая той же цели служит в более широком масштабе и имеет то преимущество, что является официозным изданием Советского Правительства: «Коммерческий Ежегодник СССР, составленный Сегалем и Танталовым, Лондон 1925 г.» Она содержит, кроме справок о промышленности, сельском хозяйстве, торговле и финансах, сведения о государственном строе, народном образовании и т. д.

имени его, к сожалению, отчет не приводит — показалась Делегации особенно «интересной» (стр. 206, 212, 213), потому что он «только последней осенью» перешел к большевикам. Опыт истории учит, что новообращенный еретик бывает большею частью более папистом, чем сам папа; но Делегация об этом не вспомнила, и только показаниям этого «свидетеля» оказана была особая честь стенографического воспроизведения.

Представление о том, каков вообще мог быть «контакт с оппозицией», дает рассказ отчета о том, как в Тифлисе были арестованы швейцар и служащий гостиницы за попытку передать Делегации письмо меньшевиков. «В этом единственном случае Делегация установила, что этот факт действительно имел место, председатель в сопровождении двух сведущих лиц посетил грузинскую чека и без большого труда добился освобождения этих людей» (стр. 215).

«Каждый член Делегации имел пропуск, дававший ему право входить в любое государственное учреждение, на фабрику, в клуб, госпиталь, полицию, тюрьму или частный дом, без провожатого, и без предупреждения» (с. 2). Этим разрешением пользовались только «сведущие лица», так как только они владели языком. Однажды, однако, пропуск оказался недействительным. То было в Метехском замке в Тифлисе. Там на требование допуска к политическим заключенным последовал отказ, а вызванный из города комендант заявил, что такого рода посещения допускаются лишь с особого разрешения правительства. «Так как посещение политических при таких условиях не представляло особого интереса, то от него мы отказались» (стр. 216). И все же этот визит в замок не остался без существенного влияния на «результаты». О Метехском замке в отчете говорится (стр. 215):

> «Ареной действия большинства мрачных рассказов, циркулирующих в столице Грузии, является Метехский замок. Эта средневековая крепость на-

ходится на крутых скалах, высоко над ущельем Куры. Это — политическая тюрьма, — охрану несут русские войска, — в которой ожидают решения суда по делу об участии в восстании несколько сот заключенных. Говорят, что и до сих пор ежедневно там совершаются расстрелы, и несомненно, что оттуда все еще посылаются осужденные в концлагеря и в Сибирь».

Англичане были, правда, только на дворе замка, но там они беседовали с молодыми часовыми красноармейцами, «которые не знали, кто мы такие», и этого им достаточно для утверждения, что «сенсационные рассказы, циркулирующие в Тифлисе, очевидно, ложны» (стр. 216).

Но еще гораздо хуже этих методов официозных реляций — непрерывно дающий себя знать в книге дух Британского Министерства Иностранных Дел.

Как ни отрадно, что по крайней мере двое из авторов этой книги нашли путь к рабочему движению, они все же не освободились еще от последствий долголетнего пребывания в рядах британской бюрократии. Воодушевление большевизмом очень своеобразно перемешивается в книге с высокомерною тупостью чиновника Министерства Иностранных Дел, у которого есть два совершенно различных масштаба: один для британцев, «которые никогда не будут рабами», и другой для «туземцев», для уроженцев чужих стран, для которых естественны и совершенно достаточны иные формы жизни — несвобода, доходящая до рабства. Протягивая руку к какой нибудь колонии, Британское Министерство Иностранных Дел, конечно, всегда имеет в виду лишь просветить светом христианства бедных язычников и облагодетельствовать бедных дикарей благами цивилизации. Его душа всегда глубоко скорбит, что туземцы не в состоянии уразуметь его благих намерений и обнаруживают черную неблагодарность. Потому то и составители книги, десятилетиями воспиты-

завшиеся в этой школе, понимают так хорошо прекрасные чувства, одушевляющие русское правительство. Место «христианской цивилизации» занял по просту «социализм», которым русское правительство вчера осчастливило Грузию и готово завтра осчастливить окраинные государства Балтики. И с тем же удивлением и негодованием, с какими смотрят британские властители на неблагодарных туземцев, смотрят и авторы книги на неблагодарных грузин, которые, как и во времена царизма, продолжают мечтать о независимости, несмотря на то, что теперь они облагодетельствованы «социализмом»!

Этот двойной масштаб лежит в основе всей книги. На протяжении многих лет, при царизме авторы видели в русских рабочих и крестьянах рабов; для них они остались «туземцами», которых нельзя не сажать в тюрьму за бессмысленные и дерзкие мечтания о свободах и правах британского гражданина!

При чтении этого отчета никогда не следует забывать: его престиж — от британских трэд-унионов, а рутина и образ мыслей — от пары отставных чиновников дипломатического ведомства.

„Самый спорный пункт".

В самой постановке проблемы в предисловии авторы идут прямо к намеченной цели:

«Задачей этих отчетов является обозрение всех положительных и отрицательных результатов новой правительственной системы для русского народа и выяснение того, какая чаша весов перевешивает.

«В этом отношении самым спорным пунктом является вопрос о степени личной политической свободы, явившейся в результате новейшей ориентации русской революции, особенно со времени отказа от военного коммунизма. В этом отношении делегация принципиально принимает к сведению заявление

нынешних властителей, что современный режим есть «диктатура пролетариата» под руководством коммунистической партии, и что «демократии», как она понимается в других странах, здесь не место. Это сводится к отрицанию принципа личной политической свободы, как он до сих пор понимался. На практике это означает не только полный контроль над прессой, собраниями, политическим аппаратом, но и над школами, университетами и армией. Само собой понятно, что судить о такой политической системе, построенной на сосредоточении правительственной власти в руках меньшинства, можно лучше всего по ее результатам. Этим именно результатам, а не политической философии русского коммунизма и посвящены, главным образом, эти отчеты (стр. 2—3).

«Само собой понятно, что судить о политической системе... можно лучше всего по результатам ее». С помощью этой заманчивой для английского уха фразы авторы отчета с грацией отбрасывают в сторону все щекотливые вопросы. Они занимаются «не политической философией русского коммунизма», а только «результатами», знаменитыми «практическими» результатами «фактами». Мы узнаем также в предисловии, что «коммунистическая организация все более и более отделяется от правительства, все более и более становится религией — своего рода государственной церковью имеющей воспитательные задачи» (стр. 2)[1]. Хотя

[1]) В другом месте (стр. 12) та же мысль развивается так: «На самом деле вполне возможно, что как в своем возникновении коммунизм с известной точки зрения может быть лучше всего понят, как некий новый религиозный орден, построенный на самопожертвовании и дисциплине, точно так же и будущее Коминтерна представляется не столько ввиде отдела пропаганды при политической партии, сколько в виде проповеднического ордена. Эмиссарам Ленина суждено, быть может, будущее, сходное с судьбою миссионеров Лойолы».

сами русские коммунисты и держатся иного мнения. «Делегации ясно, что современная коммунистическая система путем сложных компромиссов пришла в состояние, которое не есть коммунизм и которое лучше всего назвать формой государственного социализма или государственного капитализма» (стр. 4). К сожалению, Делегация так и не сочла нужным решить несомненно чрезвычайно трудный вопрос о различии между капитализмом и социализмом; но в других местах отчета, а также в заключительной сводке на стр. 171 употребляется несомненно более симпатичный термин — «государственный социализм».

Самым настойчивым образом убеждают нас авторы «не поддаваться изо дня в день распространяемой лжи, будто рабочие в России живут в таком-же угнетении и даже пользуются меньшей свободой, чем у нас». Ибо «русские рабочие — господствующий класс России. Они пользуются правами господствующего класса» (стр. 136). В пример приводится совершенно серьезно такой ошеломляющий «результат»: «В сельской школе, которую посетили делегаты, дети учились писать по тетрадкам, в которых слова «Боже, царя храни» были заклеены надписью: «Некогда мы были рабами, теперь мы свободны!» (стр. 136).

С диктатурой, как длительным состоянием России, Делегация легко мирится. Она просто «принимает к сведению» заявления нынешних властителей, что «современный режим есть «диктатура пролетариата» под руководством коммунистической партии, и что демократия, как она понимается в других странах, здесь не место» (стр. 3). И ее впечатление таково, что это длительное состояние диктатуры «молчаливо одобряется советскими избирателями» (стр. 17). Беспокоит ее лишь вопрос, имеется ли «господство террора» или нет? На это она дает следующий торжественный ответ:

> «Что касается упорных утверждений прессы, что современный режим в России представляет собой

«господство террора», то делегация считает нужным категорически высказать свое убеждение, что этому не может искренно поверить ни один непредубежденный человек, об'езжающий Советский Союз и беседующий с его гражданами. Правительство, возникшее на почве вооруженной революции и само себя называющее «диктатурой», всегда подозревается в том, что его единственною опорою является насилие, еще долго после того, как такое положение дел ушло в прошлое. Конечно, многие меры предпринимаемые коммунистами скорее из страха чем из любви к ним, вызывают возражения. Но мы надеемся, что эта и последующие главы заставят по крайней мере задуматься над тем, что на «господстве террора» никоим образом не может основываться описанный в них режим» (стр. 17).

Верно тут то, что на один лишь террор диктатура меньшинства в такой гигантской стране, как Россия долго опираться не могла бы. Для этого нужны еще и другие факторы. Важнейшим из них была при царизме и остается при большевизме пассивность и апатия крестьян. Но тот факт, что имеются и другие факторы, ни коим образом не разрешает вопроса, существует ли террор вообще.

Насколько при диктатуре меньшинства террор осуществляется, — это зависит от соотношения сил и его оценки обеими сторонами. Но, чтобы могла существовать диктатура меньшинства, в которой террор не существует, по крайней мере, потенциально, — это уже черезчур наивное представление. Конечно, террористические акты тем менее необходимы для диктатуры меньшинства, чем более очевидна и незыблема ее мощь чем более всеми сознается возможность террора.

При выяснении вопроса о том, существует ли в советских республиках лишь возможность террора или же он осуществляется и на деле, мы будем пользоваться лишь

сообщениями тех, кто «об'езжал Советский Союз». Вот небольшой букет «результатов», имеющихся в отчете:

Печать: «...Доныне оппозиционная печать совершенно отсутствует... Нападки на коммунистическую партию не допускаются. Авторитет существующего правительства всячески и самым строгим образом ограждается» (стр. 121).

«Цензура: «Для опубликования чего бы то ни было в печати нужно просить о разрешении соответствующие учреждения. При печатании книг и брошюр рукопись, написанная на машинке, или корректурные оттиски, должны быть представлены в издательский под'отдел для получения разрешения на опубликование. После выхода из печати книга, на опубликование которой получено было разрешение, рассматривается цензором. Таким образом, перед цензурой отвечает не автор, а издатель и издательский под'отдел» (стр. 118).

Собрания: «На практике существует самый усиленный надзор... над собраниями...» (стр. 3).

Тайное избирательное право: «Выборы были произведены поднятием рук, как и повсюду в России» (стр 213; сравни также 10—12).

Самоопределение народов: «Республики (Грузия, Абхазия и т. д.) имеют теоретически право выступить из Союза» (стр. 207; сравни стр. 6).

Красная армия: «Она существует, как неизбежная необходимость для Российской республики. Люди, стоящие во главе управления и потому ответственные за социально-экономическую жизнь страны, всячески заботятся о том, чтобы при-

нимались необходимые меры для защиты существующего социального порядка против всех врагов, в том числе и против опасности контр-революции, и внешних нападений на советское государство» (стр. XV).

Полиция: «Полицейское управление (ГПУ) несет и политическую ответственность: все еще открываются контр-революционные заговоры, которые могут повлечь за собой, по приговору Уголовных судов, смертную казнь» (стр. 95).

Чека: «Имеется Закавказская Чека для всего Закавказского Союза, а в ее рамках Грузинская Чека, руководимая грузинскими большевиками. Москва слагает с себя всякую ответственность за оба эти учреждения. Но во главе Закавказской Чека до недавнего времени стоял человек, руководивший русской Чека в период расцвета ее деятельности. Эта грузинская Чека «ликвидировала» восстание, и она ответственна за многочисленные казни и ссылки. Суровое подавление восстания, вовсе не представлявшего большой опасности, чекисты оправдывают обычными в таких случаях аргументами» (стран. 215).

Недосягаемый остров: «Едучи в России, Делегация была вполне осведомлена о циркулирующих данных насчет положения политических заключенных в старом Соловецком монастыре на Белом море. Желание Делегации послать туда своих представителей не встретило возражений. Но выяснилось, что в данное время года остров недосягаем» (стран. 17).

Сентябрьское восстание 1924 г. «Расстройство, внесенное восстанием, было незначительно, но непропорционально велика потеря человеческими жизнями... Невозможно получить точных данных

о числе погибших, но цифра в три тысячи, вероятно, близка к истине» (стран. 211).

Профессиональные союзы: «Следующим шагом было введение принудительного членства в профессиональных союзах и подавление оппозиции, которую представляли до 1920 года меньшевики. К сожалению, лишь только это было сделано, профессиональные союзы, как оффициальные органы, стали терять контакт с массой беспартийных рабочих и их доверие» (стран. 139).

Оппозиция: «...Ибо и до сих пор всякая оппозиция осуждена на молчание...» (стран. 14). «До 1920 г. существовали остатки легальной оппозиции в виде меньшевиков и одного крыла соц. революционеров. Но в самый разгар военного коммунизма эта оппозиция была осуждена на нелегальное существование [1]). И в настоящее время нет никакой надежды на возможность возрождения оппозиции путем нового допущения меньшевиков или с. р.-ов к конституционной работе. Масса членов этих партий, тем или иным путем, примкнула к большинству. Вожди же, пребывающие в изгнании или заключении, слишком озлоблены, чтобы от них можно было ждать какой либо пользы в будущем. При таких обстоятельствах организованная оппозиция могла бы возникнуть лишь из рядов самой коммунистической партии» (стран. 15)... «Однако, нельзя ожидать движения такого рода в ближайшем будущем. Вся печать против этого движения (течения Троцкого), с ним не связаны никакие популярные требования, а призыв охранять партийное единство будет еще долго иметь слишком

---

[1]) Прим. ред. Это — неверно. Совершенно нелегальной наша партия стала при господстве Нэпа.

большую силу, чтобы встречать сопротивление. Но хорошие коммунисты, не являющиеся сторонниками Троцкого, в интимных беседах охотно признают, что подавление всякой независимой и личной инициативы было ошибкой

Все оппозиционные газеты закрыты; все попытки создать их снова — безнадежны; высказывающим оппозиционные мнения, устно или печатно, угрожает ссылка тюрьма, изгнание; для тысяч эта угроза стала фактом они сидят в тюрьмах, в Сибири, на Соловецких островах бежавшие от преследований заграницу не имеют возможности вернуться на родину; полиция, Чека, армия стоят во всеоружии, готовые затопить в крови всякое оппозиционное движение; одно только сентябрьское восстание стоило трех тысяч трупов; партия и профессиональные союзы составляют монополию диктаторов; все другие партии запрещены; внутри самой правящей партии подавляются все уклоны, и даже вождь Троцкий снят постов и отправлен в ссылку; — но террора «обезжалившие Советский Союз» не усмотрели и следа! «Упорным утверждениям» европейской прессы нельзя «поверить искренно»!

Аргументация эта стоит вполне на высоте знаменитого мнения немецкого обывателя в пользу воздержания от алкоголя: «у нас есть пиво, у нас есть вино, у нас есть водка, хотел бы я, наконец, знать, зачем это людям непременно нужен еще и алкоголь?»

Не только существование организованной возможности террора, но и наличность актов террора на каждом шагу бросается в глаза. Только тот, кто так обуян страхом перед «политической философией», что заранее «принимает к сведению» диктатуру и начинает за пределами проявления этой диктатуры искать «результатов» попадает в такое трагикомическое положение, что за деревьями не видит леса. «Степень личной политической свободы» — это не «самая спорная», а вообще не спорная

проблема, потому что даже из этого отчета, составленного по всем правилам оффициозного приукрашивания, каждому, умеющему читать, становится ясным тот факт, что в Советской России нет политической свободы.

Оправдание империализма.

На Грузию Делегация потратила 4 дня, или, говоря точнее, она провела 4 дня в Тифлисе, так как в Грузии она ничего не видела, кроме этого города и полотна железной дороги, по которому, в этой части пути, ее экстренный поезд шел под охраной особого отряда красной армии. Для 4 дней полученные «результаты» воистину поразительны: в отделе о Закавказьи и Грузии книга достигает своего подлинного кульминационного пункта. Ибо тут «эксперты» были в своей настоящей родной стихии, тут они могли дать полную волю тому сочувственному пониманию завоевательной империалистической политики, которое приобрели на службе Британского Правительства. Тут Мак-Донелл мог непосредственно воспользоваться опытом, приобретенным им в Грузии в качестве «оффициального участника британской оккупационной армии» для оценки «результатов» оккупационной армии русской. И делегаты британских трад-унионов «в интересах выработки правильного суждения о грузинских делах не захотели отказаться от преимуществ, которые давала им его чрезвычайная осведомленность в местных делах и личные связи», и взяли его с собою на Кавказ, хотя «до сведения Делегации было доведено, что советское правительство не может взять на себя ответственности за безопасность этого эксперта в Закавказьи». «Но эксперт был согласен на риск», и Делегация с удовлетворением констатирует, что «с момента приезда на Кавказ, он совершенно свободно, беспрепятственно и без каких бы то ни было неприятных последствий вращался среди своих прежних знакомых» (стр. 215).

Эта глава о Закавказьи и Грузии неоценима с точк зрения империалистической политики Великобритани и других капиталистических государств, ибо нет н одного аргумента в пользу империализма, который н освящался бы в этой главе от имени английского про фессионального движения. От мелочных ехидных выхо док против «вождей, которые комфортабельно живут Париже» (стр. 212), и до безоговорочного отказа о права народа на самоопределение — в этой главе можно найти все, что когда либо может понадо биться любому империалистическому правительству качестве аргумента в пользу завоевательной политики.

Составляя эту главу, авторы, вероятно, имели в виду настроения бывшего министра колоний Томаса и его бли жайших последователей, сердцу которых так близки нужды британского империализма. Они убедительно до казывают им, что Россия в сущности делает лишь то что им кажется само собою разумеющимся для колоний Великобритании. И по отношению к Томасу эта аргумен тация совершенно правильна. Крайнее правое крыло английского рабочего движения не имеет морального пра ва жаловаться на империалистическую политику дру гих государств.

Но убедительное доказательство это заставляет сде лать и обратный вывод: неожиданно оказывается, что и так называемое крайнее левое крыло английского рабо чего движения стоит на совершенно той же позиции, что и крайнее правое. В признании силы аргументов империализма Томас и Персель единодушны. Томас за щищает их для Великобритании, Персель — для Совет ской России, но оба защищают их. И потому эта к ига, вышедшая под эгидой британских трэд-юнионов, означала бы подлинную трагедию, если бы, помимо То маса и Перселя, в английском рабочем движении не было отважных и честных борцов против империализма, веду щих борьбу там, где она труднее всего, — в собственной

стране, но не могущих молчать и тогда, когда империалистские идеи ввозятся контрабандой кружным путем — через Советскую Россию.

Мы охотно перепечатали бы здесь всю эту главу, как устрашающий пример, ибо каждый абзац ее есть оправдание империализма. Но приходится ограничиться выборкой, отмечающей основные мысли:

Большинство грузин за независимость:

«Народ никогда не забывал, что в средние века Грузия была независима, и хотя насильственное присоединение к русскому государству произошло слишком сто лет назад, грузины продолжали борьбу за свой полный суверенитет» (стр. 217).

«Не подлежит сомнению, что меньшевистское правительство стояло на политической точке зрения, более соответствующей настроению большинства Грузии, чем нынешнее большевистское правительство» (стр. 208).

«Восстание (в сентябре 1924 г.) вероятно пользовалось сочувствием большинства грузин и было бы поддержано ими, если бы увенчалось успехом» (стр. 211).

Преимущества аннексии: мир и благосостояние.

«Хотя Делегация и не располагала временем для подробных анкет, она все-же пришла по вопросу о положении Грузии к заключению, что для трудящихся Грузии преимущества присоединения к Союзу многообразны, и в числе их—гарантия мира и благосостояния. Гарантия, обеспечивающая «доминиону» спокойное пользование автономией, лишь немногим отличается от полного суверенитета. С точки-же зрения ма-

териальных благ преимущества включения в Союз должны быть признаны превышающими его отрицательные стороны» (стр. 213).

«Резюмируем: образование федерации и присоединение ее к СССР оказалось для народов Закавказья весьма благодетельным. Политически оно положило конец их истребительным войнам и дало им защиту против вторжений и интервенций. Экономически оно гарантировало им необходимый для их существования обмен нефти и минералов на хлеб» (стр. 207).

«История Грузии со времени ее присоединения к СССР была относительно мирная и счастливая» (стр. 208).

«Кто знал положение страны раньше и видит ее теперь, тот не может отрицать, что материально она теперь процветает, как никогда при меньшевистском правительстве» (стр. 210).

Отрицательные стороны присоединения: лишь некоторые неудобства.

«...Истинной причиной неудачи восстания в сентябре 1924 года было то, что в Грузии нет активного недовольства Советской системой, а ощущаются лишь некоторые неудобства (a certain discomfort) и есть антипатия к России» (стр. 212).

Аннексия должна быть сохранена.

«И, наконец, интересы рабочих и крестьян Кавказа и всего мира требуют, чтобы Закавказская Федерация оставалась в составе СССР и чтобы Кавказ никогда больше не становился ареной конкурирующих милитаристских оккупаций и расовых войн» (стр. 217).

Кто когда либо читал в оффициальных синих книгах рассуждения о судьбах британских колоний, тот знает эти песни и знает их сочинителей: туземцы в своем огромном большинстве так неразумны и глупы, что упорно отстаивают свою независимость, но империалистическое правительство все же не бросает своего подвига христианской любви к ближнему. Оно дает бедным туземцам «обеспеченность мира и благосостояния», оно предоставляет им «охрану против вторжений и интервенций», оно создает настоящее «материальное процветание» в стране. Оно не щадит никаких жертв для пользы туземцев, а потому вполне справедливо, чтобы и туземцы, с своей стороны, мирились «с некоторыми неудобствами» и учились подавлять свою «антипатию» к чужеземцам. Ибо, в конце концов, интересы не только туземцев, но и всего человечества требуют «сохранения аннексии».

Мы не хотим говорить здесь обо всем том, что делает эту главу жгучим позором для рабочего движения, но мимо одного пункта мы пройти не можем. Самое отвратительное, что произошло во время сентябрьского восстания в Грузии, — это не произведенные большевиками массовые расстрелы вообще, а расстрелы заложников, которые сидели в тюрьме за много месяцев до восстания и потому не могли иметь к нему никакого отношения. Тифлисские большевистские газеты с оффициальными сообщениями об этих расстрелах имелись в подлинниках в Лондоне за много недель до от'езда делегации. Имелась и тифлисская большевистская «Рабочая Правда» от 11-го сентября 1924 г., где была напечатана невероятная речь большевистского вождя Кахиани, издевавшегося над меньшевиками за то, что они «согласно демократическим принципам не казнили ни одного из наших (большевистских) товарищей, хотя мы расстреливали их самих сотнями, в том числе даже членов их центрального Комитета». Эта речь была известна в Лон-

доне, «Дейли Геральд» напечатал соответствующее место ее 6-го октября 1924 г. Что же пишут авторы отчета об этом отвратительнейшем эпизоде грузинского восстания?

«Расстройство, вызванное восстанием, было не значительным. Потеря же человеческих жизней не пропорциональна велика. Расстрел 18 заложников меньшевиками вывел большевиков из себя. Самые ужасные события падают на эти дни партизанской войны в захолустных деревнях, которая была жестока, как всегда в этих местах. Не возможно получить точных данных о числе погибших, но цифра в 3000, вероятно, близка к истине» (стр. 211).

Большевики расстреляли заложников, они официально опубликовали об этом в целях устрашения, но «об'ективность» английских сведущих людей заставляет их ни словечка не упоминать в своих «результатах» об убийстве заложников большевиками и, наоборот, приписывать меньшевикам то, что в действительности делали большевики. Этот подлог — высшее достижение этого позорного документа!

Английский эксперт извращает факты, чтобы добиться психологического понимания для бедных большевиков, которых постыдный факт убийства заложников должен был «вывести из себя». Он прав. Убийство заложников должно выводить из себя всякого цивилизованного человека. Правда, когда мы в первый раз возмущались тем, что Габсбургские палачи во время войны убивали заложников из среды сербского населения, мы и не подозревали, что десять лет спустя снова натолкнемся на такую же гнусность и будем еще более потрясены ею, потому что она практикуется не во имя абсолютного монарха, а лживо прикрывается именем пролетариата!

Оправдание реакции.

С большою ловкостью делают авторы книги неоднократные сопоставления с временами царизма. Когда приходится говорить о политическом гнете в Советской России, они вспоминают о том, как было во времена царизма, и доказывают, что и теперь не хуже. Так о посещении знаменитого Зимнего Дворца в Ленинграде они рассказывают: «Мы посетили арену бойни кровавого воскресенья (9-го января 1905 года), вошли внутрь и посетили комнаты, из которых был отдан приказ уничтожить жизнь людей, ничего не просивших, кроме голого признания политических прав; надо-ли говорить, какое чувство вражды к старому режиму самодержавия и угнетения охватило нас!» (стр. XXII). Репродукция с картины Гапоновского шествия к Зимнему Дворцу помещена в виде первой иллюстрации к отчету.

Как ни отраден тот факт, что по крайней мере в исторической перспективе авторам не чуждо чувство вражды к деспотизму и угнетению, нельзя не пожалеть, что от их внимания ускользают те страны, которые еще и сейчас страдают под властью реакционного деспотизма и угнетения. В самом деле, ведь не только империалистическому капитализму, но и Муссолини, Хорти и всей фашистской реакции отчет оказывает ценную поддержку. Отчет, с легкими сердцем примиряющийся со всеми формами политического бесправия, как длительного состояния; цинически возвещающий, что эта «правительственная система может сохранить свою жизненность и без обычного стимула оффициальной оппозиции» (стр. 14); утверждающий, что система эта «никоим образом не может быть названа не демократичной в самом широком смысле этого слова» (стр. 17); не имеющий ни одного возражения против политической несвободы; — такой отчет, ко-

нечно, может быть с блестящим успехом использован дл
аргументации в пользу контр-революции.

Не будем останавливаться подробно на отношении де
легации к политическим заключенным. Ей не импонирук
«жалостные росказни (sobstuff) о тюрьмах» (стр. 210). Ко
статируем лишь одно: делегация вообще не интересова
лась этой серьезнейшей проблемой, она не вошла в сно
шения ни с одним из тех заключенных, которые сидят
тюрьме только за то, что осмелились высказывать и н ы
м н е н и я, чем предписано диктаторами. Их водили лиш
в Бутырскую тюрьму «к опаснейшим врагам теперешнег
правительства», социалистам-революционерам, в сво
время приговоренным к смерти, а затем помилованны
в момент, когда должны были начаться русские перего
воры с английским рабочим правительством. Делегаци
говорила с ними подробно и ходатайствовала, чтобы и
было разрешено получение иностранных рабочих газет
«но Делегация не считала возможным в данны
условиях взять на себя серьезную ответственность и на
стаивать на освобождении столь непримиримых (irrecon
ciliables) людей» (стр. 16). Русские властители имею
сейчас аттестацию цивилизованных англичан, что с о
д е р ж а т ь «непримиримых» под замком и п о с л е
и с т е ч е н и я срока наказания, установленного по суду
— в порядке вещей. Хорти и Муссолини запомнят этот
термин «непримиримые» и по своему воспользуются им
при всяком требовании амнистии!

Не станем перечислять все отдельные места отчета
которые могут пригодиться реакции, приведем только еще
один пример:

Как видно из приведенной выше цитаты, выборы во
всей России, происходят «поднятием рук». В защиту
этого отчет приводит следующее замечательное об'яснение: «повидимому, благодаря отсутствию всякой возможности экономического давления на избирателей, условия

выборов в России таковы, что в тайной подаче голосов нет никакой надобности» (стр. 10).

Вот именно! Откуда явится у кого нибудь в Советской России потребность в тайном голосовании? Возможности экономического давления нет, так о чем-же еще говорить? Нашему «об'езжающему Советскую Россию» заведомо не о чем. Ведь, мы помним, что факт диктатуры он «принял к сведению» еще до того, как приступил к изучению, и всему его методу противоречило-бы пуститься в «политическую философию» и поразмыслить, не окажется-ли в конце концов источником давления сама диктатура. Только один раз, в Грузии, он начинает как бы соображать кое что и находит, что при голосовании поднятием рук «несомненно не малую роль играет страх перед другой расой и господствующим классом, а, главное, перед Чекой» (стр. 214). Но он тотчас же успокаивает себя, что «если бы выборы были только пустым фарсом, трудно было бы понять, почему так велико участие в них» (стр. 214). Но и тут путь к дальнейшему исследованию вопроса, не существует ли некоей связи между диктатурой и участием в выборах, ему закрыт, потому что это ведь опять таки область «политической философии»; так и остается один лишь «результат», — что против голосования поднятием рук возражать не приходится.

Как обрадуется граф Бетлен своим английским союзникам! Нет человека в Венгрии, который бы не понимал, что система Хорти лопнет в тот день, когда удастся провести выборы на основе тайного голосования. Но что знает этот «об'езжающий Советский Союз» о борьбе народов против политического гнёта? Что знает он о том, сколько энергии вложил пролетариат в борьбу за тайное голосование — особенно в тех странах, где господствовало феодальное дворянство? Если бы он принимал во всем этом хоть маленькое участие, — он постыдился бы с такой беззаботностью защищать открытое голосо-

вание и тем самым нападать в тыл пролетариату в стране белого террора.

Но континентальная история ему так же мало знакома как и история рабочего движения в его собственной стране.

Английский рабочий класс имел то преимущество, что большинство политических свобод он получил готовыми как дар, завещанный ему буржуазною революциею. Но как бы мало он ни сознавал поэтому сегодня значение борьбы за политическую свободу, в начале его истории все же стояла эта борьба.

Английский рабочий 30-х годов знал, что значит не иметь своей прессы. Тогда он ее не имел не в силу запрещения, цензуры или диктатуры, а в силу, казалось бы, совсем безобидного финансового мероприятия — гербового сбора с газет. И начало рабочего движения в Англии ознаменовалось ожесточенной пятилетней борьбой (1830—1835) «за создание свободной прессы»; главным застрельщиком этой борьбы был О'Бриен, выпускавший первую английскую рабочую газету «Poor Man's Guardian» («Страж бедняка») без уплаты гербового сбора,—«вопреки закону, чтобы испытать силу права, противопоставленного насилию» [1]).

---

[1]) Подробнее об этом смотри в книге Германа Шлютера «Движение чартистов» Нью-Йорк, 1916 г. В этой книге говорится между прочим: «Лондонские рабочие образовывали союзы, устраивали демонстрации, собрания, составляли петиции в парламент с требованием отмены газетного сбора. Число осужденных в этой борьбе против газетного сбора было велико. Основан был «фонд жертв» (victim fund), пополнявшийся еженедельными отчислениями; из этого фонда уплачивались штрафы и оказывалась помощь осужденным. Хетерингтон был дважды присужден к тюремному заключению на 6 месяцев и раз на год; полиция гналась за ним по всей стране, так что однажды он вынужден был скрываться целый год под чужим именем. Вильям Карпентер

Во время этой кампании в Лондоне состоялось 12 февраля 1834 года рабочее собрание, на котором была принята «Хартия прав человека», составленная Бронтерром О'Брие ном. Пятый из 17 пунктов хартии гласил: «Всесторонняя и неограниченная свобода выражения мнений». И вскоре вокруг этого требования свободы выражения мнений загорелась практическая борьба. В те годы английским рабочим приходилось бороться не только за прессу, но и за право собраний. Их вождь Вильям Ловетт в ходе этой борьбы был 6 Августа 1839 г. осужден на 1 год тюремного заключения. В памятной речи своей перед судом присяжных в Варвике он резко нападает на всякие попытки «под какими бы то ни было предлогами ограничивать право миллионов на свободное выражение своего мнения и на собрания». Основой грандиозного движения чартистов была борьба за избирательное право. И из 6 пунктов хартии 1838 года, давшей имя словному политическому движению рабочих[2]), четвертый гласил: «Тайные выборы путем баллотировки». Лишь 34 года спустя, после тяжелой борьбы это требование было в Англии осуществлено.

Более полустолетия английским рабочим уже не приходилось вести серьезной борьбы за политическую свободу. Для многих из них о политической свободе можно сказать словами поэта: «Кто тебя никогда не терял, тот тебя не понимал». Часто они даже представить себе не могут, что политическая свобода в странах реакции и, к

отсидел 6 месяцев, Джемс Ватсон — 2 раза по 6 месяцев. Часто налагался арест на газету и бумагу. Преследования властей были тщетны. Отважные борцы за дешевую прессу были непобедимы, и в конце концов правительство было вынуждено пойти на уступки. В 1836 году газетный сбор был понижен с 4 пенсов до 1. Несколько лет спустя и этот налог был отменен» (стр. 63-64).

[2]) Прим. ред. Хартия—по английски «Чертер» (Charter); отсюда — название «чартисты».

сожалению, в современной России так же, как во времена царизма, — все еще очень далека даже от того уровня, с которого английские рабочие *начали* борьбу 95 лет назад. И потому вполне естественно, что «туземцы» других стран чувствуют себя более солидарными с чартистами того времени, чем современные английские пролетарии. Рабочие стран, где нет политической свободы, знают, что завоевание социализма ставит перед ними еще несравненно более широкие задачи, чем простое достижение политической свободы. Но они знают также, что всюду, где еще господствует политический гнёт, идти к социализму возможно лишь под тем боевым лозунгом, который звучал в 40-х годах по всем городам Великобритании: «Хартии, всей хартии и ничего кроме хартии!»

Две мерки.

Оба политически наиболее важных «вывода» отчета переполнены хвалой по адресу учреждений Советской России.

В «общих выводах» первой главы говорится:

«В заключение мнение делегации таково, что советская представительная система и ее конструкция конституционных и гражданских прав, ни в коем случае не являющаяся недемократической в самом широком смысле этого слова, во многих отношениях дает индивидууму *более реальный и разумный* способ участия в общественных делах, чем это наблюдается при парламенте и господстве партий. В других отношениях это участие еще строго ограничено. И все же эта система, все еще находящаяся под строгим контролем ее творцов, получила молчаливое одобрение советских избирателей... При этой конституции существуют несомненно такие же— а, может быть, и *бо́льшие* — воз-

можности, как и при любой другой, в смысле народного правительства, политического мира и социального прогресса» (стр. 17).

И точно так же, подписанная всей делегацией общая сводка (стр. 171) приходит к следующему заключению:

«Правительственная машина, хотя и в корне отличная от машины других государств, работает, по-видимому, хорошо, а выдвинутое ею правительство не только во всех отношениях лучше любого, какое Россия когда либо имела, но выполнило и выполняет работу, которая оказалась и еще оказывается непосильной для других более старых государственных систем; под влиянием этих благотворных результатов все, за исключением ничтожного меньшинства, примирились и охотно отказались от прав на оппозицию, имеющих существенное значение для политической свободы в других странах; и эта система не вызывает никакого противодействия отчасти потому, что права эти при советской системе заменены другими правами, имеющими бо́льшую ценность, отчасти же потому, что за последнее время замечается непрерывная тенденция к их восстановлению».

Что политические права могут быть заменены «другими правами, имеющими бо́льшую ценность», это — старое заблуждение всякого «просвещенного» абсолютизма. Политическая свобода должна быть дополнена социальным освобождением, но никогда политическая свобода не может быть «заменена» социальным прогрессом.

В удивительном противоречии к этим заключениям о замене недостающей политической свободы «правами, имеющими большую ценность», о «более реальном и разумном способе участия в общественных делах», чем в парламентских государствах, о «бо́льших, быть может, возможностях в смысле народного правительства,

политического мира и социального прогресса», — стоит введение этой книги. Там говорится:

> «Британская делегация не желает фигурировать в роли восхвалительницы принципов и практики русского коммунизма — а еще менее в роли проповедницы их введения в Великобритании...»
>
> «Цель этого отчета, прежде всего, убедить британских избирателей в том, что русская революция ни в какой мере не стоит в какой либо связи с британскою эволюцией» (стр. 1).

Противоречие между введением и заключением очевидно. Его можно об'яснить двояким способом. Либо введение написано не серьезно и предназначено лишь для успокоения читателя, чтобы его незаметно подвести к «заключению», что русский порядок следует предпочесть английскому, либо же введение искренно, и тогда заключение опять таки означает, что имеются две мерки — одна для британцев, другая для туземцев. Для последних русская система как раз в пору, для Великобритании о ней не может быть и речи.

На самом деле, отчет — это просто шедевр большевистской режиссуры. Вся болтовня о «результатах» предназначена для наивной английской публики, заправилы же из числа русских большевиков знают, что речь идет совсем о другом. Не «русские результаты» должны оправдать в Великобритании большевизм, а как раз наоборот — участие Великобритании в мировой революции должно оправдать русский опыт. С «результатами» в одной России большевики морально не могли бы существовать. Им нужна идеология, оправдывающая все гнусности, совершавшиеся и еще совершающиеся в России, тем, что они необходимы для мировой революции. И поэтому, хотя этот отчет не имеет ни малейшего серьезного значения для

познания того, что действительно совершается в России, но за то он является великолепным орудием в руках большевиков для их работы в Англии.

Кто хочет знать, о чем действительно помышляют большевики, тот пусть прочтет речь Зиновьева[1]) об единстве международного профдвижения от 7 июля 1924 г., в которой он, с твердо укоренившимся в нем убеждением, что весь прочий мир состоит из людей безграмотных, и со свойственной ему бесцеремонностью, развивает свои планы:

> В Англии мы переживаем сейчас начало новой главы рабочего движения. Мы еще не знаем в точности, откуда придет коммунистическая массовая партия в Англии — только через дверь ли Стюарта, Мак Мануса, или еще и через какую-либо иную. И весьма возможно, товарищи, что коммунистическая массовая партия может появиться хотя бы еще через одну дверь, — нельзя упускать этого из виду.
>
> То, что сейчас происходит в Англии, имеет по меньшей мере такое же историческое значение, как то, что происходит в других странах Европы.
>
> Что произошло нового? То, что Амстердамский Интернационал начинает распадаться, что в английском рабочем движении начался чрезвычайно важный процесс. Я не поддаюсь иллюзиям. Я безусловно уверен в том, что английские левые, конечно, — еще не революционеры, что они пока не лучше германских «левых» социал-демократов. Но их появление — важное событие. Мы должны это понять, иначе мы не создадим пролетарского массового движения в Англии и тем более не вызовем там пролетарской революции.

---

[1]) Гр. Зиновьев: «К единству международного профдвижения» (Речь, произнесенная на 5 Конгрессе Коминтерна 7 июля 1924 г.).

Нет большего противоречия, чем между московскими хозяевами и их английскими гостями, между русскими, в бесконечных дискуссиях докапывающимися до дна всех проблем, и англичанами, не пускающимися в «политическую философию», а сразу устанавливающими свои «результаты». И как англичане свысока смотрят на «теорию» русских, так русские смотрят свысока на «практический смысл» англичан. Но в случае с этой поездкой и с этим отчетом русские доказали свое превосходство не только в теории, но и в практических результатах. Делегаты профсоюзов оказались не действующими лицами, а марионетками в этом предприятии.

Англичане прибыли в Россию со своими собственными проблемами. Они прибыли под впечатлением бешеного клеветнического похода, который вела против них английская буржуазия на последних выборах. Все, что нам известно из бесконечного опыта по части клеветы, — что социализм это гибель культуры, что он вводит общность жен, уничтожает религию,—словом, весь тот идиотизм, которой десятилетия тому назад играл роль в избирательных битвах на континенте, обрушился на последних выборах на английскую партию, потому что ее впервые серьезно отождествили с социализмом. И все эти клеветы приноравливались к советской России, как стране, где «осуществлен социализм». Потому что политически борьба шла вокруг англорусского договора, вокруг вопроса, положительного решения которого самым настойчивым образом добиваются социалисты всех страх, — а именно, что Россия должна быть признана другими государствами и что капиталистические правительства не имеют права отказывать большевистской России в том, что они с такой охотой предоставляли России царской.

Этим и об'ясняется, что отчет непрерывно ссылается на все виденное, чтобы констатировать, что предметы искусства не уничтожены революцией, что религия так же свободна, как в Англии, и что общность жен не превышает

степени, обычной для христианско-капиталистических государств.

И, наконец, в поведении английских делегатов проявляется в примитивной форме тот великий исторический факт, что английские рабочие начинают серьезно задумываться над осуществлением социализма. «Теория» им чужда. Но там в России они видели живых людей, утверждающих, что их экономический строй основан на принципе, «не трудящийся да не ест». И это открытие социализма путем экспедиции в Россию представляется практическим англичанам «результатом». Но вся противоположность между континентальным рабочим движением и английским и выявляется в том, что они говорят о совершенно различных проблемах. Перед англичанином большевизм поставил элементарный вопрос: имеет право социализм на существование или нет? Перед континентальным социалистом, для которого эта проблема давно разрешена, и для которого в силу его теоретического убеждения, необходимость осуществления социализма не подлежит сомнению — перед ним стоит вопрос гораздо более высокого порядка: является ли большевизм правильным путем к социализму. Для англичанина, который начинает интересоваться вопросом о правильном пути лишь тогда, когда уже совсем собрался в дорогу, для него весь русский опыт вовсе не сводится к вопросу о пути, — хотя, впрочем, для Великобритании он этот путь категорически отвергает; а вот блестящий смотр Буденновской кавалерии, «шефом которой является председатель ВЦСПС» [1]), говорит ему о том, что могло бы означать «господство пролетариата» в Англии, больше, чем Маркс и вся социалистическая теория.

---

[1]) Стоит прочесть описание этого парада (стр. XI), устроенного для делегатов в первое воскресенье, проведенное ими в России.

Поворот английских рабочих к социализму был и остается великой надеждой, на которой строится вся наша уверенность в победе. Основным пороком Ленинской исторической перспективы было непонимание, что этот поворот не может совершиться непосредственно в момент империалистического опьянения Великобритании победою, что должны были пройти годы, чтобы он стал возможным. Теперь Зиновьев видит, что наступает то, чего мы всегда ждали, и думает, что ему удастся использовать этот поворот для своих методов. Но, если Ленин ошибался в темпе, то Зиновьев ошибается в методах, возможных в Англии. Русскому мужику можно было навязать ярмо диктатуры; предпринятая серьезно в Англии, такая попытка вызвала бы движение возмущения и отвращения неслыханной силы, и те самые англичане, которые сегодня с таким легким сердцем примиряются с уничтожением свободы для других народов, встали бы в первые ряды этого освободительного движения.

Как повсюду, так и в Англии, Зиновьев может подготовлять лишь поражения в освободительной борьбе пролетариата. Большевистские интриги могут мешать и замедлять развитие социализма в Англии, они не могут надолго его задержать. Социализм грядет в Англии и он победит под знаком демократии.

С этой точки зрения и этот отчет, в качестве симптома пробуждающегося в английском рабочем движении интереса к социализму, является вехой надежды для пролетарского будущего. Не тем, что он говорит в словах, а теми тенденциями, которыми он рожден, которые бурно бродят в английских рабочих.

В отчете выявляется в полной мере «рожденный английским эмпиризмом ограниченный метод мышления», как называл его Энгельс. Англичанин видит лишь свой «пунктик», который его как раз в данное время интересует, и больше ничего на свете. Восхищенный открытием социализма, он и не замечает, как, слепо покрывая

все «русское», он предает все старые завоевания рабочего движения. Он видит лишь свое собственное дело — необходимость осуществлений социального освобождения в Англии — и ни на минуту не задумывается над тем, что необходимую предпосылку на пути к социализму — политическое освобождение, составляющее лично для него неоспоримое достояние, в других странах приходится еще завоевывать или, по крайней мере, упорно защищать.

Если социалисты в других странах не смогут понять, почему в этом отчете не проявляется и признака понимания их страданий и их борьбы; если они поддадутся злобе на английских профессионалистов за те камни, которыми эти последние загромождают их путь; если те убежденные социалисты, которые томятся в тюрьмах и местах ссылки Советской России с сознанием, что они честно и вернее, чем большевики, служат делу социальной революции, почувствуют себя униженными и оскорбленными; если им будет грозить опасность утраты веры в международную солидарность пролетариата, потому что они чувствуют себя покинутыми посланцами старейшего профессионального движения мира, на об'ективность которого они надеялись; — тогда пусть они вспомнят, что высшая ступень развития промышленности в Англии всегда до сих пор находила лишь количественное выражение — в об'еме английского рабочего движения, и никогда не находила качественного — в его идеологии; более того, — что английское рабочее движение в известном смысле всегда стояло на низшей ступени развития, чем движение других стран. И тогда к делегатам британских профсоюзов они применят старые слова: простите им, не ведают бо, что творят!

Что-же касается отчета в целом, то можно только вполне согласиться с тем, что говорит о нем издаваемый под патронатом Переела, Фиммена и Гикса новый ежемесячник.

«Таким образом на отчет никак нельзя смотреть, как на произведение критического марксизма или хотя бы как на вещь, написанную с обычной точки зрения профсоюзов»[1]).

---

[1]) Читатель, незнакомый с Англией по личным наблюдениям, просто не поверит, что это действительно написано в новом органе Перселя, и кому же написано в похвалу, — чтобы сделать отчет о России более симпатичным для «широких слоев мелкобуржуазных читателей». Читатель — не англичанин с трудом поймет и следующую похвалу «либеральной философии» авторов: «служебная карьера и прежнее политическое воспитание авторов положили печать на их стиль, напоминающий лучшие времена «Manchester Guardian» (либеральная газета. Ред.). Они говорят бесстрастным, точным языком государственных чиновников; в этом языке сказывается либеральная философия (что отнюдь не должно обозначать и в данном случае и не обозначает принадлежности к либеральной партии)». Гораздо легче понять такое самовосхваление в той же статье: «Отчет этот — самое значительное предприятие, когда либо выполненное (британским) конгрессом профсоюзов, или какою-либо профессиональною организациею в мире вообще... Этот отчет не может быть поставлен в сравнение ни с чем, что когда-либо раньше писалось в этой стране.

Первый номер нового ежемесячника ««International Trade Union Unity» («Международное Профессиональное Единство»), откуда мы берем эти цитаты, появился в марте 1925 г. в виде экстренного приложения к ежемесячному циркуляру «Labour Research Departement» («Отдел изучения вопросов труда»). Это учреждение находится целиком под влиянием коммунистов. Его фактический руководитель Пальм Дэтт является одновременно издателем их журнала («Labour Monthly») и коммунистического еженедельника («Workers Weekly»). Таким образом все налажено как нельзя лучше для дальнейшего ведения маневра «единого фронта» против международного профессионального движения, — маневра, важным этапом которого является русский отчет.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ